

*Сауле
Беккулова*

*кандидат искусствоведения, доцент,
член Союза Художников СССР
и Казахстана*

МОЙ САХИ-АГА

Год 2016 – год 25-летия Независимости Казахстана. Год 90-летия со дня рождения Сахи Романова, народного художника Казахстана.

Художниками рождаются! Этот неуёмный жар в крови, ненасытное желание открывать мир заново каждый день, создавать гармонию и дарить себя единомышленникам – природа его естества.

Удивительно само понятие творчества. А личность масштабная, широко мыслящая и прозревающая будущее своего Отечества – естество и суть Художника. Таким открылся мне человек, знакомый с детства. По репродукциям его картин, отзывам родных людей, впечатлениям от встреч с его коллегами.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Взирать издалека на человека, увенчанного славой, легко. А вот в первом приближении, когда по заповедям профессии, вникаешь в его творчество, самостоятельно постигая его секреты, все меняется. Уже после ВУЗа приехав в Алма-Ату, в стенах Государственного Музея искусств им. Абылхана Кастеева, пристально, подолгу вглядывалась в образы Сахи Романова на его живописных полотнах разных лет.

Вообще, в анналах этой нашей сокровищницы подлинных шедевров искусства в мировых масштабах – множество. Школа национального, казахского искусства в многообразии видов и жанров соседствует с европейской и восточной, с советским искусством и тем, что зовется постсоветским, или творчеством художников стран СНГ. И в этом мире цвета, света и форм искусство Сахи Романова не теряется. Более того, оно слито воедино со своим временем – особенно в 1960-70-е годы XX века, и вместе с тем совершенно суверенно, самобытно.

ПРОФЕССИЯ

Будучи по образованию художником кино, выпускником легендарного ВГИКа – Всесоюзного Государственного Института Кинематографии, он под чутким и жестким глазом мэтров московской киношколы обретал профессию весьма необычную. И, как оказалось, весьма востребованную и увлекательную.

Их, художников кино, в нашей стране тогда почти не было. То есть, приехав в Алматы, Сахи Романов пришел на киностудию «Казахфильм» в числе первых. Как и в Союз Художников. Это были знаменитые – 50-е годы, XX века, когда из всех ВУЗов творческой направленности – Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси в столицу Казахстана собирались молодые, пылкие, страстно жаждущие преобразить мир и возвеличить, воспеть родную землю музыканты, художники, литераторы, киношники, архитекторы... Тогда

возникло ядро творческой интеллигенции, чьими стараниями очень скоро Алма-Ата быстро преобразилась. А следом, естественно, областные центры, тесно связанные с нею.

В СОЗВЕЗДИИ ИМЕН

Полнились творениями этих первооткрывателей фонды картинной галереи, которым вскоре надлежало вместе с Музеем прикладного искусства воссоединиться под сводами великолепного здания Государственного Музея искусств. Вскоре имя первопроходца казахской живописи Абылхана Кастеева было присвоено ему, ставшему ведущим Музеем Казахстана и крупнейшей сокровищницей культуры мирового масштаба. Тому подтверждением – членство в ICOM, содружество главных музеев международного масштаба.

Ныне музей пережил дату 80-летия своего создания. А творчество Сахи Романова, ушедшего из жизни, переступив порог 70-летия, продолжает радовать глаз и сердце жизнеутверждающей палитрой. Крупные, пастозные, чистые мазки локального цвета несут, соединяясь, мощную мажорную гамму аккордов. Именно ею полнятся сердца людей, взирающих на героев и мир Сахи Романова.

Это и в эпических полотнах «Под небом Родины» (1970), «Кони у озера Торайгыр» (1969), «Ключ «Овобождение от цепей» (1970), «Клятва. Декрет о земле» (1970). И в портретах, где мастер живописует не столько внешний облик знакомой модели, сколько вдохновенно и мощно делится своей радостью жить: портрет Гарифоллы Курмангалиева, Олжаса Сулейменова и мн. др. Это все – знакомые и дорогие сердцу художника личности, имена которых вошли в историю родной культуры. Единомышленники и творцы. Сходство и единство с плеядой идущих следом, очевидно. Речь – о шестидесятниках. Их пафос национального самоутверждения, бурная энергия, тесная связь с коллегами-современниками из всех регионов страны и мира дали свой зримый результат.

На всесоюзных выставках в Москве, была возможность сравнения, сотворчества и, как итог, прорыв к новым высотам. Это происходило одновременно и в литературе, поэзии, кино, в музыке, театре, балете, истории, этнографии, археологии, в точных науках и философии... Словом, правомерно понятие Ренессанса. Впрочем, его начало – уже в конце 1950-х годов. А результатом – созвездие имен, вошедших в историю искусства каждой из республик, составлявших единое государство – СССР.

Наши казахские романтики-энциклопедисты из числа художников этого времени – Салихэтдин Айтбаев, Токболат Тогысбаев, Оралбек Нуржумаев, Шаймарден Сариев, Максум Кисамединов, Еркин Мергенов, Толеген Досмагамбетов, Марат Айнеков, Адиль Рахманов, Арсен Бейсембинов, Ольга Прокопьева. Этот высокий накал гражданственности и пытливых поисков корней, собственной истории, праистоков, питающих сознание и дух нации, теоретики вскоре определили термином – «поток национального самосознания». Он прокатился, бурно сметая на своем пути преграды, по всем странам и континентам. Во главу угла ставился вопрос Чести, Свободы, Независимости от насилия, угнетения, давления. И все это оказалось преддверием дня грядущего. Нашего дня.

НЕМНОГО – О КИНО

В статьях о творчестве Сахи Романова, долгое время я «пропускала» тему важную и серьезную – его работы в кино. Хотя знала, интересовалась его фильмами: «Алдар-Косе» (1964), «Крылья песни» (1965), «Крылатый подарок» (1956), «Дорога жизни» (1960), «Следы уходят за горизонт» (1962). «И в шутку, и всерьез» (1963), «Дорога в тысячу верст» (1967), «У подножья Найзатас» (1969) «Кулагер» (1971). Выходили монографии и статьи о казахском и всесоюзном кино, писали специалисты-киноведы. Но роль художника кино в этих обширных материалах отнюдь не доминировала. Потому в беседах с Сахи Романовым почти не затрагивала «больную тему». Однако не заметить, не ощутить и не оценить его творчество кинохудожника невозможно. Все фильмы сняты на «Казахфильме». Здесь Сахи Романов работал в содружестве с режиссерами: Шакеном Аймановым, Булатом Мансуровым, Мажитом Бегалиным, Дамиром Манабаевым, актерами: Калибеком Куанышбаевым, К. Джандарбековым, Серке Кожамкуловым, Елюбаем Умурзаковым, К. Бадыровым, К. Кармысовым, А. Умурзаковой, операторами: А. Ашраповым, В. Осенниковым, М. Берковичем и многими др. Здесь он познакомился и подружился с Олжасом Сулейменовым и Нурмаканом Жантуриным, с молодыми Тимуром Мынбаевым и Аяган Шажимбаевым, Дамиром Манабаевым и Б. Калымбетовым... Разумеется, их много больше, ровесников и младших. Важнее – единомыслие. Особенно это проявилось в трудной работе над фильмом – легендой о Кулагере, любимом коне Ахан-Сері. К ней, этой легендарной ленте художник сделал огромное множество эскизов, в цвете и черно-белых. С 1972 по 1987 г. фильм не снимали с полки, делая попытки переделок и «правки». Но, в конечном счете, запрещенный цензурой фильм, благодаря чудом сохранившемуся первоначальному экземпляру, явил собой невероятной красоты и мощи образ поистине народного героя. А работа режиссера Булата Мансурова обрела признание вместе с блистательной работой – художника фильма Сахи Романова, композитора Нургисы Тлендиева, авторов сценария Б. Мансурова и Олжаса Сулейменова, оператора В.Осенникова. И актерским составом неповторимых Кененбая Кожабекова, Булата Омарова, Шахана Мусина, Аскара Сулейменова, Канабека Байсеитова и др.

В эскизах к своим фильмам Сахи Романов верен себе: экспрессия и чувство сопереживания пронизывает каждый эскиз. И техника исполнения – карандаш, тушь, цветные чернила, пастель, монотипия, уголь полностью подчинена главной идее – передать дух, настрой, главную мысль автора. А цвет всюду насыщенный и звонкий, близкий палитре живописи. А потому – сразу узнаваемый.

ГРАФИКА

Рисунки конца 1950-х, после возвращения в Алма-Ату были началом творчества. Среди них особо заметны иллюстрации к книгам С. Муканова «Ботагоз» (1958), М. Ауэзова «Караш-караш» (1960), А. Жубанова «Струны столетий» (1958). Но совершенно особо звучит сказка «Сорок небылиц» (1959). Именно ею можно назвать начало отчета славы, которая пришла к молодому художнику. Вовсе не случайно. Вот когда в карандашном, быстром эскизе автор приоткрывает нам дверь в мир его мечты. Там – мир, любовь, счастье, там – его душа. И неважно, что главный герой мал и одинок, все – впереди!

Следом – серия рисунков «Жизнь и творчество Курмангазы» (1960). Карандаш в пальцах влюбленного художника животворен. Он так живописно, сочно, благодарно раскрывает темы: «Сары-Арка», «Хромая сайга», «О, моя мать!» «О, мой сын!», словно сам творит музыку степи. И «Воспоминание о Родине», «Игра» (1962), «Волкодавы» (1965) исполнены щемящей грусти и силы. Здесь впервые художник использует фломастер. «Портрет народных художников А. Кастеева и Айтиева» (1967), в той же технике, выразителен и прост. Но становится достоянием истории, благодаря избранным героям.

В эскизах к фильму «Крылья песни», «Безмолвие» Сахи Романов использует уголь, гуашь и пастель, через скупость палитры передав эмоциональный настрой сцены.

Великолепен, лукав и сердечен Алдар-Косе (1955), карандашный рисунок героя. Явно – сходство с киногероем, Шакином Аймановым.

К графике относимы и эскизы ковров (1967-69): алаша, текеметов, кошмы и тускиизов, выполненных пастелью. Их звучная гамма цвета близка уже к живописи.

А теперь хочу рассказать о встречах и беседах с Сахи Романовым в приватном ключе.

ВПЕРВЫЕ В МАСТЕРСКОЙ

Лишь в 1985 году приняла приглашение Сахи-ага. Царственным жестом он распахнул дверь и пригласил к столу и большому креслу у стены. Вся она – сплошной фотоколлаж: киноработы, портреты, фотопортреты самого хозяина и множество незнакомых людей. Заметив интерес, начал комментировать. И предложил взять любую. Смутилась, перейдя на другую тему. Я же знала автора, отличного фотомастера Иосифа Будневича, что запечатлел колоритную внешность Сахи-ага не раз.

Неспешно и задумчиво говоря о разном, Сахи-ага показывал мне свои сокровища – картины, эскизы, наброски, книги, пластинки. Признался, что любит Таттимбета и Даулеткерей. Что работает всегда под музыку, благо, уже целая коллекция европейской и казахской классики. Слабость – книги, а потом начались его шутки за столом, когда электросамовар «выдал» порцию чая.

– Я люблю Конфуция. Он, как никто, умеет сказать главное в 2-х словах. Хочешь, подарю? – И, смеясь, отмахивается от моих запальчивых уверений в том, что такие книги кому-то отдавать нельзя, они должны быть всегда рядом, под рукой. И начинает «допрашивать». – А что тебе из книг интересно? Может, классика? У меня все есть – и европейская, и казахская, и русская, и восточная.

Начинаю, смеясь, перечислять любимые имена: Шекспир, Моцарт, Григ, Бах, Олжас Сулеменов...

Тут он оживает.

– А, так ты тоже Олжаса любишь? Я тоже его люблю. Ну, он молодой, потому мне – можно.

ОБ ОЛЖАСЕ

– Я с ним знаком хорошо, давно, на киностудии встретились. Так вот. Знаешь, у него был такой светлый в крапинку пиджак, импозантный. Очень ему идет. А мы встречались нередко на всяких официальных мероприятиях, на вернисажах, в комиссиях. Умный, красивый парень. А главное, думающий.

Надо было что-то решать по поводу его 50-летия, юбилей все-таки. Там, в комиссии, собрались ребята и из киношников, и из Минкультуры, и из правительства. Был и Имангали Тасмагамбетов. Меня спросили, что я думаю. Я и предложил:

– А давайте все соберем по рублю и купим Олжасу пиджак. А то он все в одном ходит.

Гробовая тишина наступила. А потом все попадали со стульев. Ну, какие проблемы?

А перед тем, на вернисаже у нас в Доме Художников ко мне подошел Имангали. И спросил: «Агай, а что бы Вам хотелось на юбилей?» Вопрос, да? Ну, я сразу ответил: «Вот этот галстук, что на твоей шее». Он сразу сдернул его и протянул мне, представляешь? Хороший парень, наш!»

Мастер розыгрышей, Сахи-ага страшно любил посмеяться. Но – беззлобно, без ядовитой насмешки, как часто принято у ровесников-казахов. Наверно, потому молодые всех возрастов его обожали.

О КИНО

– Молодые у нас в кино – есть. Зря их склоняют на все лады. Да, я, конечно, пристрастен. Но им надо всячески помогать и поддерживать. Ведь завтрашний день – это они.

Например, фильм «Суржекей» – Дамира Манабаева. Это же класс! Все есть! А про молодого Абая, работы Ардака Амиркулова? Хорошо, молодец! Только одна сцена не понравилась. Встреча с Айгерим. Там – не то. Не знал, надо спрашивать у старших. Ведь снял же «Гибель Отрара». И как! Он уже состоялся, мастер. Так держать!

А вообще люблю работы Георгия Данелия. Его кинокомедии – действительно уровень высший. У нас только Шакен снимал на таком уровне. Да, и его «Конец атамана» – по душе. И «Алдар-Косе». Там вместе работали. Знаешь, когда фильм этот пошел по экранам страны, был огромный резонанс. Асанали рассказывал. В Одессе им дали самый большой зал. Лето. Жарко. Вечер. Так после первой серии всех выпускали в фойе и на улицу. Играла музыка. Угощали мороженым и шампанским. А на вторую серию так же свободно вошли через час, обсудив и пообщавшись. И гости, и зрители. И это был такой праздник! Потом зрители долго не отпускали и потащили в гости и Асанали, и других. Ночью. Вот так Ашимов пожинал славу у Черного моря».

Я присоединилась к заразительному смеху Сахи-ага, поведав ему эпизод, рассказанный Гульфайруз Исмаиловой:

– Мы после сдачи фильма «Кыз-Жибек» отправились с Асанали Ашимовым в Бразилию. После просмотра наступила странная пауза. Зал молчал. Я шепотом говорю Асанали по-казахски: «Это что, провал?» Ужас! А потом – страшный грохот, шум, все повскакивали с мест с воплями. Оказывается, триумф. Так принимали нас с «Кыз-Жибек» за рубежом. Зато дома, здесь, полная тишина. А ведь Султан Ходжиков, режиссер, «сгорел» на этом фильме. Сердце не выдержало. А ведь это – наша киноклассика!»

Она была права. Признан этот шедевр казахского кино был лишь в Независимом Казахстане, теперь. А тогда, грустно улыбнувшись, Сахи-ага сказал: «Такое у нас случается». И надолго замолчал. А потом обронил: «Все хорошо – вовремя».

АБАЙ

Около трех лет работая в Доме Кино с выставками молодых художников (1994-1996 годы), я нередко радовалась, слыша с порога в фойе раскатистый гулкой смех баритона. Не сравнимый ни с кем! Сахи-ага был там завсегдатаем, приглашенным на заседания секций киносоюза, на праздничные события – сдачу новых фильмов, юбилеи и встречи, заседания правления Союза кинематографистов. И как-то, при встрече, укорил: «Что же ты так загордилась? Магруза обижена. Она говорит, что ты отказалась от зарплаты за эти выставки. Но ведь сейчас у Дома кино, да и вообще у нас всех – проблемы. Тебя сумма не устроила, да? Задохнувшись, долго не решалась ответить. Но пришлось признаться, что это не так. Мне не оплату предложила директор Дома Кино, а наоборот – платить за аренду. Хотя знала, что картины не продаются. Это были вернисажи, первые персональные выставки ребят, мечтавших о встрече со зрителем. И я делала публикации, сценарии теле- и радиопередач, съемки выставок и их героев. Как праздник души! А платить? Они же все сами едва ли не голодали. Как я могла? Зато их увидели и узнали тогда и в Казахстане, и в Алматы, и в посольствах других стран. Это же замечательно!»

Услышав, Сахи-ага поначалу обескуражено замолчал, а потом долго смеялся, поглядывая на меня с одобрением. Без комментариев.

Вскоре на новогодний вечер я пришла в сопровождении молодого композитора. Сахи-ага, увидев, обрадовался, поинтересовался – кто есть кто, а потом сразу же пригласил его в мастерскую. И предложил: «Приходите вместе. Будем сотрудничать!» Жаль, начав работу в телефильме «Перекресток», композитор Адиль, сын моего старшего друга-музыканта Жакена Байысбаева, затем прервал ее. А вскоре потерялся из виду, так и не собравшись принять дружбу нашего корифея кино. А Сахи-ага успокоил: «Ну, много других забот, наверное. Не огорчайся».

«ПОЧЕМУ НЕ 500?»

Как-то, направляясь в мастерскую к Сахи-ага была перехвачена молодыми художниками. Табылды Мукатов, знакомый довольно продолжительное время, о котором писала, устраивала первую выставку в Доме Кино, представляла на ТВ, попросил заглянуть к нему. Не отказала. Предупредив, что ждет аксакал. Он предложил чаю, попутно говоря о своих делах и показывая новые работы. В распахнутую дверь вошел коллега, скульптор Муса Сеисов. И он сообщил: «Сауле, вчера в Музее Кастеева была конференция. Там наш друг сказал, что ты требуешь оплаты за статью по 50 долларов с каждой». А из-за его спины возник «носитель информации». Табылды, смертельно побледнев, сказал: «Да, я там был, он так сказал с трибуны». А я, покачнувшись, спросила: «И вы поверили? Муса, скажи, ты поверил?». Покраснев, Муса с негодованием повернулся к «другу»-чимкентцу и пошел прочь. Тот переминался с ноги на ногу. А Табылды, увидев мои слезы и ужас, пошел проводить до мастерской Сахи-ага. И извинялся...

Сахи-ага, широко распахнув дверь, пригласил со мной вместе и Табылды. Но тот, огорченный, извинившись, убежал. Я всхлипывала, пытаюсь унять дрожь, стыдась и... Хозяин мастерской сурово сдвинул брови, не стал отмалчиваться. Потребовал объяснений. Я, заикаясь, изложила в двух словах, порываясь уйти, дабы не огорчать собой. Сахи-ага не позволил. Дослушав до слов «50 долла-

ров», он загремел: «А почему не 500? Что он о себе возомнил, негодяй? И что ты проливаешь слезы из-за мерзавца? Прекрати! Ты должна светиться! Всегда! Имя обязывает! И не стыдись! Мало ли болтунов и завистников на свете? Будь выше!»

А потом начал мучительное, горестное повествование о раннем детстве, о юности. Эта лавина боли мигом заставила меня забыть и обиду, и слезы.

Детские годы, проведенные в скитаниях, с голодом и беспризорной жизнью без родителей и родных. Незнание ни собственного имени, ни места рождения. Фрагменты скитаний, когда чужие люди угощали... огурцом – первое знакомство с таким видом пищи. Детдом и жизнь на Украине. Память о ласковых теплых ладонях старших. Долгие дневные часы голода – ораза, а потом – айран и рыба, лепешки. И ржание коней. След от падения с лошади – шрам на голове – первое приобщение к жизни казаха-кочевника... Длинные, во всю жизнь, поиски родных. Встреча с теми, кто пытался опознать и принять в лоно семьи. Балхаш? Семей? Каркаралы? Родина бесконечна, но имеет истоки в сердце, что увидело свет в конкретном месте. Наверное, это очень важно. А потому надежда обрести родной дом, потерянных в младенчестве родителей и близких, ушедших в эпоху террора и репрессий под знаком «врагов народа», не оставляла никогда.

ЗАПРЕТНЫЕ ТЕМЫ

Однажды Сахи-ага, усадив меня за журнальный столик, где вершились все беседы, а порой с друзьями – игры в шахматы, угостил чаем и, медля, собрался с мыслями.

– Ты, может быть, думаешь, что я – всегда веселый, потому что нет проблем? – Пристальный взгляд мне в глаза. – Хотя, нет. Ты должна все чувствовать и понимать с первого взгляда. Я знаю. А жаловаться мужчине не к лицу. Стыдно. Но знать ты обязана.

Голос его напрягался, лицо твердело и наливалось болью.

– Что рос сиротой – знаешь. Что попал в «десятку», выбрав киноуз – единственный, лучший в стране – знаешь. Ну, получал звания, был окружен почетом. А ведь есть еще личная жизнь. О ней не знает никто. Даже самые близкие. И – не надо. Тебе – скажу.

Я протестующее откинулась в кресле, сжавшись в комок. Не хочу! А мой Сахи-ага продолжал, словно не заметив. – Так вот. У меня есть дочка. Младшая. От второго брака. От Турсун. Ты же знаешь ее потрет? Писала о нем. Она сейчас тяжело болеет, лежит. Ноги. А дочка – единственное утешение. Во всем помогает, ухаживает за мамой.

Мне, Бог дал, грех жаловаться, нормальное здоровье. Но молодость прошла, а что впереди? Старшую дочь, Айжан, ты видела. Мы с ней и ее мужем видимся часто. А вот ее мать была ослепительной красоты женщина. Дочка – в нее. И поначалу счастливей меня не было никого на свете. А потом... Было предательство. Как я это пережил – не знаю. Конечно ушел. Но забыть и простить? Нет, не смог. А дочка. Чудо мое, любит. Еще была девушка-красавица, казашка, видишь на фотографии? Думал, это навсегда. Она жила здесь, в мастерской, со мной. А недавно ушла. Молча. Почему, скажи, почему?»

Я через силу отвечаю: «Наверное, просто глупая». Сахи-ага, сглотнув непоявившиеся слезы, внезапно улыбнулся.

– А знаешь, как я начинал учиться в ВУЗе? Не-ет, не во ВГИКе. Я же был на фронте, воевал на Великой Отечественной. Пошел туда прямо с завода на Украине, где подростком работал. Мы ночами вместе со взрослыми стояли за станками – время такое, надо было помогать стране выстоять. Конечно, я мечтал воевать. И пошел добровольцем.

Но я – не о том. Вот закончилась война. Такое счастье! Победа! И я отправился учиться в Академию Художеств, в Ленинград. Лучший институт художников – им. И.Е.Репина! И, представь, все получилось! Стал студентом. Ходил в одной шинели и сапогах – ну, как пришел с войны, так и... И, видно, казался странным: ходит такой худой, длинный азиат и вечно смеется. А я радовался! Что остался жить! Что сбылась мечта – учиться в чудо-городе на Неве, что столько сил и всё – впереди!

Однажды был вызван в Институт, на собрание. Задавали вопросы – странные, тяжелые. Не знал, как ответить. Обвинили, что скрыл прошлое, что, наверное – из байской-богатой семьи, сын врагов народа. Слишком прямо держался и смеялся. И тогда, в подтверждение этих обвинений поднялись с мест мои самые близкие друзья, казахи...

– Сахи-ага, пожалуйста, не надо, я не хочу об этом знать!

– А ты обязана, поняла? Кто еще может рассказать правду? Ты обязательно это сделаешь, обещаю! Это были твои любимые...

Мои ровесники, молодые, энергичные. Но они оболгали меня! Прилюдно! За что? Зачем?

Я ушел с собрания, лег в общежитии на койку, укрылся с головой шинелью и, сгорая от стыда и боли, заплакал. Такого со мной не случилось ни до, ни после – ни-ког-да!

А на другой день, забрав свои бумаги, уехал. Но не домой – дома-то не было! Не в Алма-Ату, а в Москву. И сразу же был принят во ВГИК. Может, это – судьба? Я верю. Только с этими «друзьями» встретился здесь, на Родине. И пришлось, проглотив обиду, продолжать отношения. Один Союз Художников, одно здание мастерских, общие проблемы. Я не мстителен. И ничего не предпринимал, пытался забыть. Не смог, болит душа. Значит, тебе следует это знать, помнить. Вообще, хочу, чтобы ты написала книгу обо мне. Многие писали – и искусствоведы, и журналисты. Постоянно ходят, звонят, просят интервью. А я после твоей статьи в «Каз. Правде» на 70-летие понял – вот то, что нужно. Так сжато, коротко и так все ясно и хорошо! Особенно финал. Молодец!

Я горела от смущения – ну, нельзя в лицо человеку такое «выдавать»! А мой художник все продолжал. И нельзя было его прервать – аксакал! Блистательные знания истоков культуры родной, ее традиций, ее музыки, обычаев, прикладного искусства, поэзии, фольклора, поговорок, песен, шуток. Как все это проявилось еще в юности, в рисунках малыша с босыми ногами, в лохмотьях и огромном малахае! Глаза сверкают на обветренном лице такой ослепительной силой жизни, лукавством и счастьем дыша! Легким уверенным движением художник, кажется, не отрываясь, пролепливает всю эту взлохмаченную детскую фигуру. И возникает праздник жизни! Юный казах – на пороге будущего, конечно, доброго, светлого, настоящего! Брызжет такой энергией этот живописный по сути рисунок, что воцаряется чувство победы в душе всякого глядящего. Да-да, на нас глядит – победитель!

Точно свой автопортрет с проекцией в Будущее запечатлел Сахи Романов. И все получилось! Все сбылось! И никакие невзгоды, боли и неудачи не смогли его сломить на этом пути.

В КАНУН ЮБИЛЕЯ

Звоня в мастерскую Сахи-ага, всегда с первых секунд слышала его роко-чущий задором смех. И неизменный вопрос: «Когда приедешь? Чтобы тотчас добавить: «Давай сейчас. Жду». Возражать бесполезно, как и оправдываться. А ведь время – 90-е годы – было непростое. Для всех. Для художников моих – в особенности. Многоэтажное здание лишилось электричества, всех коммуникаций. В мастерских свет появлялся лишь изредка, днем. Тогда включались радиаторы: малые и большие. Потому что не было отопления. Уходить надо было в сумерках, света не было ни в коридорах, ни в мастерских, ни на лестницах. Соответственно, не работали лифт, канализация, порой водопровод... И что же наш Сахи-ага?

«А-а, ничего, вынесли же в войну, тогда ведь и есть было нечего!» – посмеиваясь, говорил он, облаченный в полушубок и ботинки. – Когда-нибудь ведь это все кончится? Вот тогда и попируем. А пока – надо терпеть!»

В 1995 г. он тихо оговорился: «Не знаю, будет ли моя выставка на следующий год, все-таки – 70 лет. Да и вообще...» И уже в начале 1996-го признался, что ничего не ждет: ни юбилейных торжеств, ни застолий, ни поздравлений. А просить, и спрашивать об этом – как-то неловко. Кризис. До того ли стране.

Видя, как он переживает, храня в себе эти вопросы, решила. В июле «Каз-правда» опубликовала материал «Солнечная палитра Веры», что случился у меня за одну ночь. Близился август. Невыносимая жара нависла над Алматы. И тогда раздался звонок. Кажется, впервые. Как и слова «дочка, Саулеша». Так называл меня только отец, очень редко.

УЗКИЙ КРУГ

Голос в трубке довольно и повелительно произнес: «Завтра, в 16 в Доме Кино будет узкий круг друзей. Приходи. Буду ждать!» Он не хохотал, как всегда, не медлил, дабы тотчас пошутить, а просто поставил перед фактом. Опасаясь, что статья моя, будучи прочтена, не одобрена, не услышав ни слова отзыва, хотела как-то избежать этой официальной и наверняка помпезной встречи. Словно заранее зная мою реакцию, он сказал: «Отказы не принимаются!» таким царским тоном, что...

Словом, приехала вовремя, поднялась на 2-й этаж, в малый зал Дома Кино, вошла. С порога раздался знакомый рокот: «А-а, пришла, хорошо, молодец, спасибо, Саулеша! Ты такое видела?» Он сидел в конце зала, в торце – тор – длинного стола. Без скатерти, с парой блюд фруктов, полированный темный стол был устрашающе пуст. «Это называется «фуршет!» – громогласное заявление ошеломило меня. Четверо участников «узкого круга» были налицо. Сам именинник – в серебряной гриве спадающих до плеч волос, с гордым торсом молодого витязя, с медлительным поворотом крупной головы мыслителя – был неотразим! Его взгляд, жест руки, указующий на стол, были ошеломляющи. Он и не подумал удивляться или возмутиться. Лишь недоуменно проворчал: «Разве казах может ходить или стоять за столом? Это же – достархан! За ним следует сидеть! А здесь и сидеть «не за чем». И тут же тихо – мне, показав взглядом в другой угол: «Пойди, поговори. Там – Хакимжан». Послушно подчинилась. И в одиноком ряду кинокресел застала исхудавшего друга Сахи-ага. Наурызбаев, постаревший и бледный, улыбался. Предложил сесть. Опустившись рядом, поинтересовалась, зачем он – в отдалении. В ответ раздалось «Ну, я – казах, фуршетов

не признаю, мне нужно сидеть...» И вновь – тихий смех. А следом грозное: «Что это вы там, в углу, уединившись? Без меня?» Сначала изумившись, Хакимжан-ага залился тихим смехом.

ДОСТАРХАН

Стараниями мигом оценившего ситуацию «четвертого», Сережи Азимова мы как, по волшебству, скоро восседали за достарханом, поднимая за виновника торжества. Шампанское, речи, шутки. Лица порозовели. А галантный Азимов предложил очаровательной белокурой девушке напротив познакомиться. Она, не медля ответила: «Айжан!» Я увидела в этот миг глаза Сахи-ага. Они лучились таким озорством и юмором! И ожиданием! Азимов, секунду помедлив, взлетел над столом: «Ну, тогда я – Сергей!» Яркий азиат, с манерами хана, столь схожими с виновником торжества, был весь, как натянутая струна. И тотчас раздался гомерический хохот. Сидевший рядом с другом, Хакимжан-ага, помолодев, остро глядел на молодежь, сидевшую напротив. Сахи-ага вытирал глаза, выступившие слезы мешали наблюдать. Все качались, держась за стол. А в зал незаметно скользнули одна за другой фигуры поздравителей от Союза Кинематографистов, Союза Художников, от Правительства и Министерства культуры. Адресные папки были вручены, а мы продолжали шутить и слушать искрометный юмор Сахи-ага, комментирующего каждый тост. Хохот не прекращался. Две сестры, музыкант и музейный сотрудник, спели – Моцарт, Григ, романс из русской классики, казахскую песню. Все – на языке оригиналов. В конце все уже дружно подпевали. А у Сахи-ага – сказочный баритон – гибкий и глубокий. Без помпезных и натянутых поз официоза, все обратилось в почти театральное действие – радостное, душевное, сердечное, согретое искренней любовью всех к Хозяину застолья. Я уехала вместе с сестрами довольно рано, напутствуемая ласковым пожеланием Мэтра: «Ну, а завтра ведь позвонишь, ладно? Сау бол, айналайн! Спасибо за «Казправду»! Поговорим» И я, успокоенная и счастливая, удалилась. Назавтра Сахи-ага не стал ругать меня за невстречу. Лишь пообещал позже рассказать нечто. И добавил: «Ты – молодец! Я помню август прошлого года. Такое не забывается». И так защемило сердце!

АБАЙ

А было вот что. В августе 1995 г. страна наша отмечала 100-летие своего великого мыслителя, вдохновенного поэта и мудреца Абая Кунанбаева. В эти дни в Доме Кино я открыла выставку произведений своих друзей – супругов: живописца Калиоллы и прикладника Райгуль Ахметжановых. С посвящением любимому Поэту.

Дом Кино не вмещал желающих зрителей. В те же дни там состоялся просмотр фильма, снятого совместно с французами на нашем «Казахфильме» Ардаком Амиркуловым «Абай». Экспозиция моих художников волшебным образом украсила второй этаж Дома Кино. Сюда, в честь открытия, я позвала друзей своих, художников, за небольшой достархан: Дулата и Талигу Алиевых, Калилолла и Райгуль Ахметжановых и, наконец, главного гостя – Сахи-ага. Приехали съемочные группы нескольких студий TV, оперативно сняли выставки и нас для хроники, и лишь тогда я заметила странное движение и пустоту вокруг. Дружья мои удалились. Мы с Сахи-ага оказались вдвоем за столиком с деликатесами, фруктами и шампанским. И я решила: «Не каждый год бывает столетие такого Человека. Я горжусь тем, что живу в одно время с Вами, и в такой день – под одной крышей»

и за одним столом. Ведь у вас с ним разница – всего 15 дней. Тоже – в августе». И протянула ему гроздь винограда. Сахи-ага был серьезен и торжественен. Он улыбнулся и тихо произнес: «Рахмет, балам. Это все – очень хорошо!» И обвел взглядом экспозицию с пейзажами лунного масштаба и утонченно-нарядными чиями, свисающими с потолка, летящими вдоль плоскости стен, струящими тепло и прелесть казахского ручного искусства.

ЧУЖОЙ

Рядом со столиком возник некто огромный, в черном. Грозно спросил: «А вы почему здесь?» поразила: «А вы? Что вы здесь делаете? Я вас не приглашала!» Он смутился: «Я – из охраны. Всем нужно уйти». – «Не знаю, зачем вы здесь. И знать не хочу. Перед Вами – светило казахского искусства. И кино – в первую очередь. Запомните! Смотрите!» В этот миг поразила очевидному сходству Сахи-ага с Абаем, не только внешнему. А он, усмехнувшись, спокойно обратился к охраннику: «Я приглашен, не беспокойся. А дочка – хозяйка этой выставки, понял?» И мы пошли вниз в просмотровый зал.

Я не осталась, увидеть фильм и сказать слово о нем на пресс-конференции – в присутствии режиссера и французов – продюсеров, привелось на завтра, а с Сахи-ага поговорили об этом чуть позже.

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Там же, в тот день, возле моих картин и фуршетных столов встретились после долгого интервала с другом юности и коллегой Рашидом Нугмановым. Фото, где мы возвышаемся над фуршетным столом с ним вдвоем, я назвала «Снимок века». Он увез его в Париж, а мой экземпляр подписал: «Сауле! Желаю удачи! Рашид». И пририсовал улетающую ввысь ракету. А осенью Катрин родила ему сына, Тимура-Виктора.

Он тихо, доверительно сказал в тот августовский день: «Мы ждем ребенка, первого, в октябре, как ты думаешь?». Я ответила сразу же: «Будет сын! А позже, обязательно – дочка». Лицо Рашида с изумленными глазами просияло: «Спасибо! Дай Бог!» Так и произошло.

Теперь они – в юношеском возрасте. А создатель «Иглы», близкий друг Виктора Цоя и мой единомышленник, по счастью, часто бывает в родном Алматы. Иногда – видимся.

ОБСУЖДЕНИЕ «АБАЯ»

И в тот же день, после просмотра, каверзных и злых вопросов наших журналов, в присутствии Бикен Римовой и молодых исполнителей главных ролей, я исполнила просьбу киноведа Гульнар Абикиевой. Встала и глядя на Ардака Амиркулова спросила: «Верно ли я поняла, что юный Абай был глубоководным человеком, знающим законы мусульманства, и вместе с тем, смеющим заявить своему наставнику в Медресе о понимании красоты как средства служения народу, Отечеству и миру?» Нависшее было в зале тяжелое, гнетущее впечатление нарушилось. «Рахмет, кызым!» – выдохнула мне Б.Римова, покидая зал. Смотрели с удивлением и благодарностью композитор фильма и главный герой, повернувшись всем корпусом. А я, не отнимая от губ микрофон, произнесла: «Ардак! Спасибо! Такого Абая еще не знала история. Фильм удивительно хорош!»

И лишь потом я узнала, что охранник и слова Сахи-ага были «по поводу». Все готовились к приезду нашего Президента, Нурсултана Назарбаева. Он приехал смотреть «Абая». Естественно, всех неприглашенных следовало «попросить». И Сахи-ага, догадавшись о моем незнании, мягко урезонил молодого блюстителя порядка. А на другой день я стала свидетелем великолепного действия о юном гении земли казахской, которому на широкий экран – увы! дорога не открылась. И лишь сам Ардак, встреченный мною на выходе, усталый и напряженный, тихо спросил: «Как?» Ответила: «Получился! Наш Абай!» И он просветлел лицом, позвал за стол, но я устала до изнеможения и, извинившись уехала.

А Сахи-ага, мой добрый, чуткий Сахи-ага, все понял и запомнил. Ведь речь вовсе не об одной выставке и одном фильме. Речь – о деле жизни Абая.

ОТКРОВЕНИЕ

«Сейчас, обязательно приезжай, пока не стемнело. Я буду ждать!» – голос в трубке был такой требовательный и вместе – просительный, что я заспешила. Холодные стены Дома Художника без освещения угнетали. Добравшись до этажа, постучав в дверь, сразу была встречена уже одетым в плащ-пальто художником. Скоро будет совсем темно. На, держи, пойдем вместе, нам по пути!» – заявил Сахи-ага, протягивая пакет. Потом спохватился: «Нет, я сам донесу до остановки. Тебе тяжело». И спешно закрыв на замок дверь, стал спускаться со мной вниз. Успешно миновав темные пролеты лестницы, мы оказались на тускло освещенной улице. Достигли остановки, сели вместе в троллейбус. Сахи-ага не смеялся, как всегда. Молча, через остановку, вручил мне нечто весомое. И добавил: «Не сопротивляйся. Это – от души. Ты прекрасно написала. А я, если делать подарки, вручил бы тебе, по меньшей мере, норковую шубку. Поняла, да?» И подал руку, помогая выйти. «Мне нужно домой, срочно! Сау бол, балам!» Дома, открыв пакет, увидела бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет. Мама, всплеснув руками, заливисто смеялась, точно серебряный ручей. Видимо, у меня был озадаченный вид. Рассказав все, услышала в ответ: «Айналайн, он действительно азамат! А это – доказательство его благородства. Так что, радуйся!» И мы сели пить чай с конфетами, оставив шампанское на «потом».

ПРАЗДНИК ДУШИ И ТЕЛА

Через пару месяцев, в январе 1997 года Сахи-ага вновь настойчиво позвал меня. Голос искрился смехом и лукавством. Как отказать? «Знаешь, Саулеша, а ведь ты была права. Действительно, Правительство меня не забыло. Хоть и с запозданием, но праздник мне организовали. Сам Имангали в декабре позвонил и попросил поехать с ним в область. Ничего не объясняя. Ну, мы приехали в зимний аул, в Жезказганской области. Холод, мороз, зуб на зуб не попадает. А там нас так встретили! Достархан за достарханом, бани, песни, концерты, поездки по степи, на лошадях, машинах, с вертолетом! Людей было мало. Все – с душой, юмором, очень тепло. Я отдохнул и душой, и телом. А Имангали спрашивает: «Ағай, Вас устраивает такой юбилей? Или галстук лучше?» Ну, мы поохотали от души, и я все понял. Всем этим занимался он сам. Молодец парень, а? Прав я был, а?»

Я невольно залюбовалась горделивой позой молодо, весело, очень прямо стоящего художника. А он, чуть помолчав и долив мне в пиалу чая, вздохнул. «Знаешь, о чем я мечтаю? Ах, шіркін, оказаться бы на вершине горы. И чтобы была ослепительно белая юрта. И в ней – ослепительно белая, молодая казах-

ка. И – любить!» Он азартно захохотал, глядя в окно и видя что-то ему одному ведомое. А мне почудилось, что он никогда и не расставался со своей юностью, молодостью, живущих в радостном ритме его полотен и фильмов. И все окружение – и ученики-студенты, и юные телевизионщики, и киномастера, и коллеги по цеху, живописцы, графики и музыканты, поэты, литераторы и драматурги разных поколений и школ, все с неослабленным интересом и пристрастием следят за ним, с жадностью и восхищением. И – учатся так верить, любить, жить. Свято поклоняясь своей Матери, своей Земле, своим извечным и простым истинам «Делай другим то, что желаешь себе!»

А желал Сахи-ага всегда совсем мало: быть счастливым вместе со своим народом! И потому, верно, стал любим каждым казахом так, как любят дорогое, родное существо. Впрочем, далеко не только казахами. Ведь искусство художника говорит на языке души. А у нее нет нации, названия, географии. Есть лишь главный признак и закон, закон Любви. Бессмертный закон, которым имя Сахи Романова вписано в Вечность.

* * *

К порывам юные сердца зову,
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

...Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенье оценить сумей.

...Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Абай 1886 г.

Судьба, благодарю за встречу!

